

Драматическое произведение XVIII-го вѣка, найденное въ рукописяхъ Смоленской духовной семинаріи.

Занимаясь составленіемъ систематическаго описанія небогатой коллекціи рукописей, принадлежащихъ фундаментальной бібліотекѣ Смоленской духовной семинаріи, мы нашли въ двухъ изъ нихъ одно и тоже помѣщаемое ниже драматическое произведение XVIII-го столѣтія.

Произведеніе это озаглавлено лишь общимъ именемъ *Declamatio*, и въ одной рукописи, именно въ пятикѣ, преподанной въ Смоленской коллегіи въ 1752—53 учебномъ году (*Structura artis poëticae, in duas classes, scilicet ligatam et solutam orationem, divisa, in almo Smoleno Wiszpowsciano Collegio generosae juventutі Roxolanae anno Supremi Regis regum 1752 in annum 1753 ad habitandum aedificata*)¹⁾, помѣщено въ самомъ концѣ ея (л. л. 109—117), а въ другой, — тоже пятикѣ, носящей такое же названіе, какъ и первая, и тоже преподанной въ Смоленской коллегіи, только нѣсколько позже, въ 1754—55 учебномъ году²⁾, — оно находится непосредственно послѣ текста пѣтушескихъ правилъ *de robis tragica et comica* (л. л. 67—75 на обор.). *Declamatio* состоитъ изъ пролога, пяти небольшихъ частей (дѣйствій)³⁾ и эпилога.

Прологъ заключаетъ въ себѣ обращеніе къ слушателямъ съ просьбою ихъ вниманія, и указываетъ общій сюжетъ пьесы, говорящей о *цѣломудрии, чистотѣ*, попираемой нечистотою; объ удивительно широкомъ *исподствѣ пьянства* и о происходящемъ отсюда *киченіи Базусова пьянства*.

¹⁾ По каталогу семинарской бібліотеки, составленному въ двадцатныхъ годахъ нынѣшняго вѣка, она числится подъ значкомъ В. 867. О. 2.

²⁾ По тому же каталогу, подъ значкомъ В. 868.

³⁾ Въ самой *Declamatio* нѣтъ дѣленія на дѣйствія, а ихъ можно, пожалуй, признать менѣе пяти, до двухъ всего.

Первую часть составляет продолжительный монологъ *Цѣломудрія*, въ которомъ оно изливаетъ свою печаль и свое горе, причиняемая ему гордостью.

Во *второй* части на сцену выходитъ *Чистота* и тоже изливаетъ свое горе, дѣлясь имъ съ *Цѣломудріемъ*. Она сѣтуетъ о тѣхъ, которые готовятъ себѣ участь, подобную Содомянамъ...

Въ *третьей* части лице *Отрады*, являющееся на сценѣ въ сопровожденіи увѣнчанныхъ ангеловъ, утѣшаетъ *Цѣломудріе* и *Чистоту* въ ихъ скорбяхъ, говоря, что Всевидящій и Вседѣущій зрять ихъ дѣла и вновь возвратитъ имъ ихъ прежнюю славу, а попирающихъ ихъ осудитъ на вѣчную муку.

Въ *четвертой* части на сценѣ *старикъ* удивляется временной и вѣчной гибели пльницъ. Онъ развѣтываетъ картину широкаго пльнства.

Какъ бы къ большому огорченію старика, въ *пятой* части на сцену выступаетъ *Бахусъ*, торжествуя и хвалясь, что онъ владычествуетъ надъ всѣмъ міромъ, а присутствующіе здѣсь представители Азіи, Африки, Америка и Европы изъявляютъ предъ нимъ свое полное рабство. *Бахусъ*, польщенный такимъ всесвѣтнымъ преклоненіемъ предъ нимъ, съ пафосомъ перечисляетъ свои услуги человечеству, и особенно расirocтpаняется о своемъ превеликомъ праздникѣ-маслинѣ, во время которой его наиболее почитаютъ и величаютъ многіе изъ его подданныхъ.

Эпизодъ составляетъ просьба къ слушателямъ простить недостатки исполнителей пьесы.

Изъ представленнаго краткаго содержанія видно, что основная мысль этого произведенія—несомнѣнность будущаго всеобщаго суда и воздаянія, выставляемая въ противовѣсъ какъ теоретическому, такъ и практическому отрицанію ея.

Мысль эта была излюбленной темой нашихъ, собственно южно-русскихъ, драматическихъ произведеній XVII и XVIII в. в., особенно выдвигаясь въ нихъ въ XVIII столѣтіи, въ виду поверхностнаго отраженія у насъ западно-европейскаго деизма и атеизма, и въ виду того практическаго невѣрія и распущенности нравовъ, какія были его слѣдствіемъ. Такъ «трагедокомедія о тщетѣ міра сего, составленная (около 1741—2 г.) Варлаамомъ Лящевскимъ и репрезентованная въ академіи Кіевской», или «о награжденіи въ семь свѣтъ пріисканныхъ дѣлъ мады въ будущей жизни вѣчной», съ одной стороны, старается доказать личное бессмертіе человѣка и отвѣтственность его въ ва-

гробной жизни, съ другой—обличить распущенность современныхъ нравовъ и сдержать ее угрозами наказаній въ загробной жизни, а вывѣсть съ тѣмъ и поощрять праведниковъ въ ихъ бѣдствіяхъ¹⁾. Ту же цѣль имѣеть и весьма распространенная въ спискахъ пьеса Георгія Конисскаго, подъ заглавіемъ — «Воскресеніе мертвыхъ, обще убо всѣмъ будущее, но страждущимъ всѣмъ неповинно въ вѣдѣ сѣмъ блаженно, а обидящимъ гибельно, въ пяти дѣйствіяхъ въ пользу чающихъ онаго показанное Георгіемъ Конѣцкимъ 1746 года»²⁾. Обѣ эти пьесы въ исторіи южно-русской искусственной (драматической) литературы XVIII вѣка имѣють то особенное значеніе, что въ нихъ кievская драма, при вѣрности своему духовно-религіозному, мистериальному направленію, обнаружила довольно сильное стремленіе сблизиться съ народною жизнью³⁾.

Въ непосредственную связь съ ними должна быть поставлена и найденная нами Declamatio, сюжетъ и драматическіе приемы которой тѣ-же, что и въ нихъ. Мало того, Declamatio стоитъ даже въ прямой зависимости отъ нихъ, являясь иногда буквальныймъ повтореніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ пьесы Конисскаго (напр., кантъ Declamatio буквально сходенъ съ кантомъ послѣ второго дѣйствія въ трагедокомедіи Конисскаго; жалоба Цѣломудрія въ нашей пьесѣ на лихоимство суда есть повтореніе 11-ти строкъ рѣчи Діолита во 2 явленіи 2-го дѣйствія у Конисскаго и наконецъ Лице Отрады въ нашей пьесѣ и въ пьесѣ Конисскаго одинаково, въ 12 строкахъ, объясняетъ причину нескорого воздаянія грѣшникамъ и праведникамъ⁴⁾).

Такая зависимость не умаляетъ значенія найденной нами пьесы; напротивъ, она дѣлаеть ее памятникомъ непосредственнаго продолженія и развитія драматическихъ традицій, каковымъ слѣдовала южно-русская драма въ лицѣ Лящевскаго и Конисскаго, и, такимъ образомъ, ставитъ ее въ исторіи южно-русской драмы звѣномъ, соединяющимъ собою драматическую дѣятельность Лящевскаго и Конисскаго съ послѣдующею, — и тѣмъ болѣе дорогимъ звѣномъ, что авторомъ

¹⁾ Свидѣнія о ней см. въ „Украинской Старинѣ“ Гр. Данилевскаго, Харьковъ, 1866 г., стр. 96.

²⁾ Издаана проф. Тихонравовимъ въ „Лѣтописяхъ русской литературы“, т. III, отд. III, с. 39—58.

³⁾ Н. И. Петровъ. Очерки изъ украинской литературы XVIII в. Кіевъ, 1880, стр. 27, 92, 98, 113 и др.

⁴⁾ См. въ „Лѣтоп. русской литер.“, стр. 43: 46—47; 55—56.

нашей Declamatio былъ Мануилъ Василевичъ¹⁾, питомецъ Кіевской академіи, ученикъ Лящевскаго и Кописскаго²⁾, написавшій ее, будучи профессоромъ пінтики въ Смоленской коллежѣ, для исполненія ея воспитанниками на сценѣ домашняго коллегіатскаго театра въ дни сырной недѣли, или предъ ея наступленіемъ (что видно изъ самой пьесы).

Declamatio.

Prologus.

Слышателей, васъ трудить любомудрихъ смѣемъ,
 О предложенныхъ вещахъ объявить имѣемъ.
 А объявить хотимъ не о чесомъ иномъ,
 Но о добродѣтели, кая господиномъ
 Есть великимъ всякому всегда человѣку,
 Еяже кто держится до своего вѣку,—
 Цѣломудріе, еже всѣхъ уразумляетъ,
 Сіестъ здраваго ума егда кто бываетъ,
 Бнейже и чистота присовокупленна,
 Отъ нечистоты суще весьма обижденна,
 И о удивленіи великаго пьянства
 Такожъ о киченіи Бахусова панства.
 Ваше любомудрствіе, о чемъ утруждаемъ,
 О семъ быть внимательнымъ покорно умоляемъ.
 (Выходятъ ангели и поютъ канты³⁾).

Цѣломудріе

обиженное отъ гордости внутренней печалится и ускаряется.

Ахъ, горе мнѣ днесъ бѣдной! весьма унываю!
 Горе жъ, яко боліе уже жить не чаю!

¹⁾ Пінтика 1752—3 г. не указываетъ его имени, а называетъ его пінтика 1754—5 г.

²⁾ По всей вѣроятности, Василевичъ вмѣстѣ съ другими бнѣзъ приславъ изъ Кіева въ Смоленскъ, по просьбѣ Смоленскаго епископа Гедеона Вишневскаго, въ 1750 г. (См. Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и академіи, собран. В. Аскоковскимъ, т. I, д. № 36.

³⁾ См. ниже.

Ахъ, горе, какъ въ несносной встаю печали,
 Ибо жалъ сердце мое пронзаетъ немалый,
 Пронзаетъ убо, аки острою стрѣлою,—
 Ахъ! недоумѣваю, что чинить съ собою?—
 Стрѣлою жъ полною смертоносна яда,
 Которы истѣваетъ зъ некеднаго ада.
 Что се мнѣ: въ очахъ призракъ? и что за измѣна?
 Откуда мнѣ ключися сіа перемѣна?
 Не цѣломудралъ была, ничимъ осквернена?
 Ныннѣжъ, аки изгребіе есмь уничтожена...
 Цѣла и непорочна, ничимъ невредима
 Была, но, аки слонца липота всезрима
 Свѣтла же и прекрасна отъ Бога созданна;
 Но днесъ пребываю, якъ скверна тынѣ попрагна:
 Всякихъ скверныхъ мерзостей полна есмь отвсюду,
 Не точію же отвнѣ, но и сквовѣ внутрь уду.
 Не была ль въ свѣтоносцѣ, иже близъ чертога
 Первымъ баше отъ Аггелъ Создателя-Бога,
 Лики перевозкождаше вся во оной славѣ,
 Юже по превосходству имѣяше явѣ,
 Слава же ему баше, -слава бысть толика,
 Какъ бы хоромъ Аггелскимъ всѣмъ баше владика.
 Коей жъ ему болшъ славы искать было треби,
 Какъ имѣти жилище въ Херувимскомъ небѣ?
 Но покусися еще болшой искать славы:
 Хотѣлъ имѣтъ первенство Божіей державы.
 Аки бы не трезвеннымъ умомъ пребываше,
 Что недостойно ему, всегда то желаше.
 Возимѣ себѣ злую толь гордость премногу—
 Рещи не устыдыся: равенъ буду Богу,
 Соживду престолъ горѣ и саду въ чертовѣ,
 И вся мнѣ власти будутъ корытысь подъ ножѣ.
 Ахъ, се ли не обида Творцу сущей твары
 Равнятыся? отъ него жъ имѣлъ тов дары,
 Ими же недоволенъ, возвысися горѣ,
 Цосрамленъ же погрязе въ препсиоднымъ морѣ,
 И со всѣмъ хоромъ своимъ, тоезде мыслящимъ,
 Въ равенствѣ жизнь зъ господемъ имѣти хотающимъ,
 Аки молнія с небесъ и дымъ исчезоша,

Въ глубину неисконду адскую приидоша;
 За вую гордость будутъ в вѣкъ тамъ пребывать,
 По своей отдалившесь воли благодати.
 Ахъ, горе мнѣ! не была ль въ первомъ человѣцѣ,
 Иже бысть владикою поставленъ въ семъ вѣцѣ
 Надъ всякимъ животнымъ, на земли живущимъ,
 Надъ звѣрми различными и гадомъ ползущимъ?
 Въ его же власти были не точію скоты,
 Но которіе бяху и вятшей доброты
 Высоко парящые небесные птицы,
 Различнаго естества бивають колици.
 Бысть же райскому жителъ прекрасному саду,
 Въ немъ же пмѣлъ паче всѣхъ велику отраду,
 Тамо пребывающе въ веселіи многомъ,
 Поставленъ надъ всѣмъ свѣтомъ баше земнымъ богомъ.
 Но ма, цѣломудріе, оный отрывувый
 Обрытеса ко гниву Бога воздвигнуувый,
 Зане прелстися онимъ врагомъ гордоливимъ,
 Иже предъ создателемъ явися строптивимъ,
 Покусися огъ древа краснаго вкусити,
 З зависты болшу хотий славу улучити.
 Ахъ, горе! не разсудивсь в сей такъ съ собою,
 Чтобы неавитися гордости злобою!
 Не былъ ли Богомъ даннымъ разумомъ доводный,
 Весма всѣхъ былъ мудростей и художествъ полный?
 Довѣло ему было знатъ, что есть преблаго,
 А не высокоумить, довѣдуясь злаго.
 Зналъ, что тварь, а ни Творецъ, ни Господъ небесный;
 А къ сему его привелъ все хитры змій лестный,
 Яко ни мало умомъ размышлялъ благое,
 Но пребнсть не отъвненъ знатъ добро и злы;
 Тѣмже самымъ предъ Богомъ гордостенъ явися,
 За что всея радости райскія лишися.
 Ахъ, горе мнѣ, ахъ бѣда! стражду нестерпима,
 Что мене обиждаеть гордость возносіма,
 Аки уже не имамъ гдѣ бы обитати,
 Почти не вси начала мене оставятъ!
 Не родъ ли Божа баше Израиль реченны,
 Но безъ цѣломудріа и сей ослицаемы

Явись. Вснвдъ пресладчайшу имѣяше манну,
 Пречудеснымъ образомъ съ небесе подану,
 Чрезъ море не мокренно преидоша по суку,
 Чуднѣ летящихъ отъ птицъ по воздуху;
 И не отъ камня ли живу воду пиша,
 И во всякомъ доволствѣ насыщены быша?
 Но не благодарніи явились и сими,
 Господеви своему рабы неключымы,
 Уклонившеса въ гордость, идола почтыли;
 Какъ бы не чувствовали Божественной силы,
 Телца единодушна почтили за Бога,
 Иже бысть изліянни отъ злата премнога;
 И Богу сотворены за вражды такія
 Отъ змievъ себѣ, смерти достигнули злыя.
 Ахъ, какъ не горе! суще родъ Божій реченный,
 А нынѣ обыватель бываетъ геенны!
 Ахъ, горе мнѣ! никогда утѣшна пребуду,
 Не имамъ бо радости никакой отвсюду,
 Зане суть чловѣцы еще въ то злой воли:
 Боговъ мертвыхъ множайшихъ чтутъ чуждыхъ дотоли;
 Отъ гордости вражіей имутъ то на мнозѣ,
 Яко вовся нерадить о праведномъ Бозѣ!
 Не толкожь сіи правда Господа незнають,
 Но и хрстіане суще не такъ почитаютъ,
 Какъ требѣ; о прочіихъ звазати есть диво:
 Въ православіи суще держать вѣру криво:
 Называютъ рускую вѣру весьма просту,
 Что навладено много правилъ, пѣвій, посту.
 Правда, хочаи предано во оной есть много,
 Но въ душевную ползу поданы суть Богомъ;
 А въ римской-литаніа есть една толко,
 Да еще прыдается и пацѣръ ¹⁾ посколко?
 Спреждежь сего не было: бысть вѣра една
 Съ нами; но ихъ отвела самая гордыня
 Отторгнутисъ восточной отъ церкви Христовой,
 И быть въ своей ересной злоби неистойвой.
 Горе жъ мнѣ и отъ своихъ, пже, окружены

¹⁾ По рукописи второй: „патаръ“.

Многою гордистію, суть ума лишены!..
 Не отрынувшє лѣ мене, панство потеряли
 Греки, что церкви Божой на прагъ вдежали:
 Гдѣ-бъ со страхомъ и ужасомъ должно ирисупати,
 Но гордоство не якъ въ храмъ, но якъ до простой
 хати?

И прочіи такожде, егда мя забыша,
 Многимъ сребролюбіемъ умомъ заблудише,
 Денно ношно думаютъ паче о маммонѣ,
 Нежели авраамли почити на лонѣ,
 Ибо хочай бѣднаго вовся разорити,
 Что злюбилось въ оного, толко бы добыти;
 И аще бѣдный становеть за свою обиду,
 Но никоего правды неизыщеть вилу,
 Зане гордъ богачъ речеть: вѣмъ, что съ тѣмъ творити,
 Кого аще съ житіемъ хошу разорити,
 Ибо на пріятелей надежду имѣю;
 Со мною спорящаго вовся одолѣю;
 И не толко что много пріятелей маю,
 Но въ канторѣ судебной и самъ засидаю:
 Начнетъ на мя битъ челомъ, буду отрѣщенный;
 Будуть же судити мов единомышленныи,
 Не могутъ ли здѣлати ему волокиты,
 Не знаютъ ли правъ къ моей части накрутити?
 А буди становеть на мя апелловать вышше,
 И въ вышнемъ судѣ имамъ патроновъ излишше;
 Пущай кто толко скощеть правду защитати,
 Денгою довольно могу доказати,
 Ослѣплю очи дарми, руцѣ плѣню мздою,
 Хотя бѣ онъ былъ праведенъ; потягнетъ за мною.
 Ахъ, горе! на маммону свою уповаютьъ,
 А судію истынны Бога отвергають!
 Развѣ сіи нечають на судѣ страшны стати,
 И не чувствуютъ въ себѣ Божей благодати,
 Что з гордости ближняго имуть за ничтоже?
 Ихъ же исправи сердца, Ты, единъ Боже!

Чистота,

обижденна отъ великой нечистоты, ускарасается цѣломудрію.

Кая здѣ ты, о сестро, вина предстоятъ
И такъ великъ гласомъ горцѣ восклицати?

(Цѣломудріе отвѣтствуетъ):

Ахъ, какъ не восклицати я не вопить: горе!
Окружаютъ мя врази, какъ всю землю море!..
Была Цѣломудріе отъ Бога избранныя,
Нынѣ же, аки мерзость кая, есмь попрошна!

(Чистота):

Ахъ, бѣду терпящую тебе созерцая,
Скажу тебѣ и о мнѣ, пребываю кая:
Во всѣхъ внутреностехъ моихъ акибы согнила,
Противъ мя воюющимъ исчезаетъ сила,
Отвергли бо мя мнози, живутъ не въ законѣ,
Еже и всѣмъ явствуетъ въ самомъ Соломонѣ,
Кой премудрость отринувъ, весьма омылился,
Женъ многихъ одною лестію плѣнися;
Пачежъ сего явились мерскіи содомляне,
Въ нечистотѣ премерской съ ними жъ гоморяне,
Иже волю въ похоти плотской исполняли,
За что сквозъ землю въ Адско езеро упали.
И мнози не избигнуть тосажде части,
Неудаляющеса отъ такоя сласти,
Мысляще, что безъ сего не мощно пребити,
Всімъ людемъ по естеству никако прожити!
Но мысли исполняется не въ бози живущимъ,
Праздно житіе свое повсегда ведущимъ,
А паче, иже пьянствомъ всегда окруженны,
Тою нечистою сіи суть плѣнены.
Ахъ, ахъ! не по разуму таковы ходятъ,
Но по злой своей воли, яко хотять, бродятъ!
Ахъ, горе, что не только себѣ позволяють,
Но и многихъ невинныхъ на сіе прелщаютъ;
Поучаютъ за млада какъ чашу испити,
Какъ бы въ оному злому дѣлу пріучити!

Довѣло бѣ врага плоти на мя повставати, —
 Но еще нмѣ есть въ сему злое пѣдство мати,
 Еже на безстудіе оныхъ поощраеть,
 Забыть себе и Бога разумъ помрачаеть.
 Только какъ угодили плоти своей тщатся,
 А о вѣчности потщитысь и думать гордятся!
 Се зриши, о другине, и мя какъ велика
 Скорбь всюду окружаетъ, и тебе колика!
 Обаче намъ о всѣхъ сихъ не инна надежда,
 Тольмо милосердіе Божіе одежда.
 (Цѣломудріе глаголетъ):
 И отъвуду надежда намъ бут(д)еть премнога,
 Яко отъ Совдателя милостива Бога.

Л и ц е

*отрады утѣшаютъ цѣломудренно и чисто живущихъ яко не временну,
 но вѣчну радость, а высоко умствующихъ и не чисто живущихъ пагубу
 улучать.*

(И ангели выходятъ съ вѣщами).
 Почто здѣ стенаете и такъ скорбеливы?
 Не бойтесь: увеселятъ Богъ васъ сотворивый!
 (Цѣломудріе отвѣтствуетъ):

Ахъ, како намъ всячески не треба стенати,
 Яко отвсюду есмы, аки тынъ, попрати!

(Лице отрады):

Не бойтесь, глаголю, ни будте ужасны,
 Якъ создалъ Богъ васъ чыстыхъ, вспять будете красны;
 Обовхъ бо зреть дѣла окомъ не дремлющымъ
 И гласъ вашъ слышитъ слуг(х)омъ вездѣ Богъ при-
 сущій.

Но что просите, вскорѣ не ипать вамъ дати;
 Дастъ конечно, но требъ мало почекати:
 Праведно опредѣлили злымъ воздати злая,
 Обаче, аки отецъ чадомъ не желая
 Гибели, долготерпитъ даже до кончины,
 А осьъ преставетъ грѣшникъ отъ своихъ безчннй;

Не радуется бо Богъ, якъ кто погибаетъ,
 Тѣмъ и праведный свой гнѣвъ далій отлагаетъ,
 Не заразъ же и благихъ обыкль награждати,
 За болшо терпѣніе болшую отдати
 Честь и славу, какъ была вамъ данна напредѣ,
 Отъ нечыстныхъ изыметъ грѣшниковъ изсредѣ
 Васъ, какъ непорочныхъ, приведетъ во славу,
 Сохранитъ невредимыхъ подъ свою державу
 И удостоятъ тамо высочайшей чести,
 Коея недостанутъ участницы лести;
 Васъ отвращающыисъ и по своей воли
 Ходящія пребудутъ въ плачевномъ долѣ,
 Примутъ нестерпимую и вѣчную муку,
 Поидутъ до пекелнаго владыки подъ руку,
 Гордіи низринутся въ дно самаго ада,
 Гдѣ во вѣкъ имъ не будетъ никакая отрада.
 Въ нечыстотѣ жь сущіи огнемъ негасимымъ
 Въ вѣкъ, конца не имуще, будутъ одержимы.
 Вы же плачь отрыните и отрите слезы
 Даже милости Божой получите стези!
 Отъ окружающыхъ васъ всѣхъ обѣдствій покрываетъ
 И отъ всякіа скверны Господь Богъ омываетъ.
 И за сію скорбь вашу будите готовы
 Взнати во небесныя жилища чертоги!

(Первый ангелъ глаголетъ къ цѣломудрію):

Се, ты, цѣломудріе, Богъ не оставляетъ,
 Но печалаяшусь вѣнцемъ нетлѣннымъ вѣнчаешь.

(Второй ангелъ чыстотѣ глаголетъ):

И ты, чыстота, въ скорбѣхъ еси услышанна,
 Отъ десницы Божьей пребуди вѣнчанна.

(Чыстота благодаритъ):

Благодаримъ повсегда, нынѣ попремногу
 Избавлшему отъ злыхъ предвѣчному Богу.

Старый человекъ выходитъ удивляющиса временнѣ и вѣчно поминающимъ отъ пьянства.

Здѣ ма пріати понуди не инна причина,
 Но сіа: не послідня-ль наступи година,
 Въ ней же извѣствуется мерзость, прорекома
 Пророкомъ Давидомъ, въ пагубу ведома,
 Ея же не инъ коренъ, какъ пьянство глубоко,
 Имже всякъ поступаетъ на все зло широко.
 Что сотвори Лотъ, мужъ святъ, сего исполнены,
 Отъ своихъ дщерей баше на грѣхъ искушены!
 Болше-жъ паче во ономъ всегда пребывая,
 Нѣ помыслить на добро, но паче на злая..
 Лишается богатства сему присѣдящій,
 Нощъ по нощъ за чашами лотруя, не спящій;
 И честь уже не честію, толкобъ чаша полна,
 Аще долговъ великихъ и шыя неволна.
 И какъ уже сей, в пьянствѣ прысуще надолзѣ,
 Возможеть памятствовать о душевной ползѣ?
 Двлюся непомалу: такъ себе вглубиша
 Многи въ оно, яко о себѣ забыша,
 И временну жызнь какъ бы добрѣ проводить
 Не мыслятъ, но какъ полной чашы не пролить.
 Вину дам, что весма на животѣ тощю,
 Хочъ праздникъ иль неделя однакъ выпить мощно.
 Пуцай стомаха рады, немощы ль коликой,
 И то мѣрно, чтобъ было безъ страсти великой,
 Яже бы не лишила сей временной жызни,
 А паче всего сего—небесной отчызны,
 Пуцай в кое время и пиръ сотворяеть,
 Но по силѣ своей чашу испѣваетъ.
 Да то бѣда, что егда полной несполнити
 Гарцевой, то и начнетъ другъ друга бранити,
 И такъ дружка за другш(ж)ву муситъ вышивати:
 «Любви и впредь пить вмѣстѣ бы не потерати»;
 А любовь не такъ въ добро, якъ на всяко злое,
 Въ любви бѣ исполнять всегда и тщытся отое;
 О, любви сей премерской, любви окаяной,
 Что о Божой немыслать любви несва(за)ной!

Какъ же о сей имъ мыслить, что себе вглубили
 Въ пьянство такъ, яко ему дни опредѣлили
 Празденства, которіе преданы святыми
 Суть, сырныя недѣли, дабы мы хранимы
 Были въ нихъ отъ всей скверны ко посту святому
 Четырдесятницы, яже есть самому
 Преплагонріятная Господу и Богу,
 Черезъ кои въ путь спасителны имѣтъ бы дорогу..
 Но мнозѣ во зломъ пьянствѣ сія провождаютъ,
 Бахуса, аки отца, весма ожидаютъ,
 Ему же пѣсни мерски поютъ велегласно,
 Питтемъ, яствіемъ столы предъ ставятъ красно,
 И з великимъ желаніемъ другъ друга срѣтая,
 Лобизаетъ искренно, оныхъ поздравляя,
 Приговоруа: «теперь намъ повеселитесь».
 Выпивая пугары, хочъ бы разлучытись.
 Зъ душею и со тѣломъ, ни что не важаютъ.
 Да, Маслѣну въ Бахуса добрѣ провождаютъ,
 Коя уже се со лики градетъ и тымпаны,
 Дабы увеселити холопы и паны
 Игрми и плясаніемъ з безъстудными музы,
 Съприговоромъ веселымъ: «гуляйте днесъ друзи»!
 Отъ коего Бахуса Богъ да защищаетъ,
 Но всѣхъ въ цѣломудрїи добрѣ укрѣпляетъ.

Бахусъ

выходитъ хвалящися, яко на весь свѣтъ имѣеть власть.

Имя мое бываетъ славно и велико,
 И не изобразится другое толико!
 Силенъ и шуменъ всегда вездѣ пребываю,
 Понеже азъ всецѣлымъ свѣтомъ обладаю;
 Все бо мнѣ кланяются чтыри части свѣта,
 И кланятимутся даже окончатси лѣта.
 А во первыхъ Азію во власти имѣю,
 И ея всѣмъ богатствомъ всачески владѣю;
 Приноситъ мнѣ многое предрагое злато,
 За вино сокровище даетъ пребогато.

(A s i u s).

Приносимъ, и приносить повсегда желаемъ,
Заве, безъ тебе суще, бѣднѣ унываемъ!

(B a x у с ь).

Вся комуже извѣстно, всячески есть явѣ,
Яко есть и Африка во моей державѣ,
Аще и плодоносна и силна во брани,
Но ни какъ можетъ пребыть безъ моей длани.

(A f r i c u s).

Правда есть, господине, безъ тебе неможно
Намъ пребыти всячески, глаголю не ложно!

(B a x у с ь).

И въ Америкы мене почитаютъ люде,
Глаголютъ: «милостивый Бахусъ намъ да буде»!

(A m e r i c u s).

Такъ, просимъ ти и молимъ: «буди съ нами, добры,
Укрепляембоя, и мы тобой бодры»!

(B a x у с ь).

Тако жъ изъ Европы славу получаю,
Ибо я тамо свою руку простыраю.

(E u r o p u s).

Такъ, мы не можемъ тебѣ назватися друзи,
Но кланяемся тв, какъ подчиненны служи.

(B a x у с ь).

Кромѣ жъ васъ, что мнѣ есте вѣрно подчиненны,
Не можетъ быть безъ мене всякъ пиръ учреждены,
Ни крезбинны, ни свадьба, была бы колика
Въ проста, вѣль Господина честна и велпка...
Азъ изъ вражды великой привожду во дружбу,
Подчываніемъ готовымъ творю бѣднымъ службу;
Аще кто возводисъ на честь кую будетъ,
Никаковымъ образомъ мене позабудеть;
Суще въ бедахъ и немощехъ азъ увеселяю,
А силнаго въ крѣпности изъ ногъ изваляю,

Тако жъ мудръ отъ мене умомъ не постоитъ,
 По моей воли ходитъ, еже ми достоятъ;
 И глушь, мнѣ прыхилившысь, разуменъ бываетъ,
 И убогій богатымъ себе называетъ;
 Паче жъ сего бываетъ праздниѣкъ мой превелій,
 Егоже съ усердіемъ всяки чтитъ веселій,
 Маслину, до которой свободно порогу
 Добру вси безъ пренатствія имѣють дорогу,
 Отъ всякой зъ охотою страны приѣзжаютъ,
 Хочь была бъ вая пропасть, ничто неважають.
 Премнози отъ человекъ въ немъ ми почитаютъ,
 Чашами, пугарами весма величаютъ.
 Всегда бо, паче жъ въ оной, не суть заключенны
 Врата, ни कराулы кіа утверженны,
 Въ мене гулять свободно и пити довольно,
 Но все выдитъ скармана, хочь было бы полно;
 Да не достане ль оттуду, беру и заставы;
 Для его жъ политки, чести же и славы
 А приговариваю: «гулай себѣ, иане,
 Дотоль, пока на тебѣ рубища не стане!
 И сказую по полной чаши вышивайте,
 Маслину же весело вездѣ прославляйте!»
 Тако жъ: «да возыграють ляки и тымпаны!
 Возвеселитесь сердцемъ, вси мои подданы!
 Призываю васъ къ себѣ—прибывать на сіе:
 Спорожняти до конца бочки вповне,
 На тое естъ маслина, дабы веселитись!
 Чего не станетъ въ бочкахъ, дрожми поврипитисл,
 И сему истощившусь, помывъ и сосуды,
 Вышите, толко веселы сей намъ праздниѣкъ буди!»

К а н т ъ.

Какъ внѣшній мнръ сей зрится человеку,
 Что хотѣлъ бы съ нимъ жити до вѣку:
 Но изволь рассудитъ,
 Какъ съ тѣмъ вѣкъ заложитъ,
 Иже в самъ кончится.
 Се, елика суть намъ въ немъ пожеланна,
 Вся кратка, вся непостоянна

На всяку годину,
 Приємлють измѣну.

И кто имъ увѣрится?

Взыщу ли въ немъ славы,
 Власти ль и державы;

Но когда смерть прійдетъ,

Тогда ли свѣдетъ

Слава въ гробъ со мною?

Тогда, сій во гною,

Кіими имѣю владѣти?

Красоту ли тѣла

Возлюблю до зѣла?

Егда ли вѣчна

Тварь краснолична!

Когда плоть увянетъ,

Сама кость останетъ,

Сладко ли на ню зрѣти?

Аще ли красны созижду палати,

Аки бы вѣкъ въ нихъ обитати,

Но какъ ихъ лишуся

И въ гробъ преселюся,

Кому та по мнѣ будутъ?

Дружину ли вѣрну возымѣю,

Чадами ли разбогатѣю?

Но и ти сами,

Точію до ямы

Проведшы, мя забудутъ.

Чыли мнѣ со скоти

Угождати плоти?

Начну ли до сласти

Пити да ясти,

Но се болшь послѣди

Черву будутъ свѣди

Отъ чрева утучена.

Составлю ли лики

Весь день до музыки?

Но въ день ли остатни

Будутъ пріятны

Гласъ трубы ужасный,
 Шумъ и трескотъ страшный
 Мира огнемъ зажжена?
 Убо мнѣ лучше с мѣромъ попрощатся,
 Всѣхъ его прелестей остатся:
 Богатства лукава,
 Зпскъ, честь и слава
 Пушай съ нимъ погибаетъ!
 Лучше отъ мира къ Богу приступить,
 Малъ часъ сей ему послужитъ;
 А онъ человѣку
 Дати въ ономъ вѣку
 Вся вѣчна обѣщаетъ.

Потеримъ въ сей жизни
 Бѣды, укоризны,
 Всю напасть и вражду,
 Алчбу и жажду:
 Нехай насытимся
 Нехай насладимся
 Безконечно о Бози.

Сѣймо, не стужася,
 Слезы по вся часы:
 Придетъ руюнги
 Радости пожати;
 Тогда пожнетъ тая,
 Не ослабѣвая,
 Въ небесномъ чертози¹⁾.

E p i l o g u s .

Вашему любомудрству нами предложено,
 Которое бысть дѣло тое изреченно,
 О коемъ изволили милости внимати

¹⁾ Послѣ этого канта, вѣроятно, профессорскою рукою замѣчено: „Сего канта 4 пункты по прологу гарно пѣть, а осталніе два предъ виходомъ старика“. Въ позднѣйшій рукописи кантъ помѣщенъ послѣ эпилога, и при немъ тоже написано: *Hujus cantus quatuor puncta statim post prologum canenda sunt, reliqua vero duas ante introitum veteris hominis dispositis.*

Вашы. О семъ же просямъ тоя благодати;
Погрѣшеніе ль въ ономъ явилось якое,
Милостей вашихъ мудрость да покріетъ тое;
Всепокорно просимъ и молимъ простити,
Аще бы погрѣшеніе могло кое быти.

1896 года, 23 ноября.

Смоленскъ.

